

Яна Дубинянская

ЛЕСТНИЧНАЯ ПЛОЩАДКА

Яна Дубинянская

Лестничная площадка

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дубинянская Я. Ю.

Лестничная площадка / Я. Ю. Дубинянская — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Бывшая студентка и офис-менеджер, юный спортсмен и бизнес-леди, алкоголик-дебошир и президент страны — что может быть общего между ними? Только то, что у каждого из них есть своя заветная мечта. И если бы не изобретение профессора Странтона, так бы и остались их мечты мечтами. Но теперь все желания сбываются, и никто не уйдет обиженным! Стоит только щелкнуть рубильником, и на лестничной площадке появится дверь, за которой — мечта. Вот только какая — та, что казалась заветной, или же... настоящая.

© Дубинянская Я. Ю.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Яна Дубинянская

Лестничная площадка

Часть первая

Глава I

Оставалось только бросить машину и бежать в лес – что он и сделал. Черная стена хаоса спутанных голых веток казалась сплошной и совершенно непроходимой. Ноги, как только он сошел с асфальта, по щиколотку утонули в липкой жирной грязи. Он бросил тело вперед, пытаясь раздвинуть кустарник, спрятаться за темнотой. Ступня зацепилась за невидимую петлю корня или поваленного дерева, он не сумел удержать равновесия и, упав лицом в острые прутья, покатился вниз по неожиданно крутому склону. Сплетение ветвей и сучьев затормозило падение, он поднялся было на ноги – и снова упал в грязь, смешанную с прошлогодними листьями.

Там, наверху, шоссе осветилось огнем фар. Он услышал визг тормозов, а потом короткий стук горошин о стенку – автоматную очередь. Они расстреляли его машину, но дальше почему-то сразу не поехали. Он вжался в землю, напряженно прислушиваясь к каждому звуку. Кажется, открылась дверца... Они вышли посмотреть на его труп. Пустить пулю в голову. Под рукой хрустнула веточка, и он замер – хотя услышать это там, на шоссе, они, конечно, не могли. Даже он, как ни старался, почти ничего не слышал – а ведь они, не обнаружив в машине изрешеченного тела, навряд ли молчали. Несколько минут он лежал совершенно неподвижно, чувствуя, как медленно погружается в жидкую грязь. Наконец, со стороны шоссе послышался шум отъезжающего автомобиля. А через несколько секунд ночной лес озарила ослепительная вспышка – звук взрыва раздался мгновением позже.

Он тихо поднялся, опираясь на шершавый ствол дерева. Подумал о машине. О своей сверкающей, идеально-гладкой темно-синей «Мазде», которую он вел по трассе медленно и осторожно, а паркуясь, всегда боялся поцарапать о что-нибудь. Две недели как из автосалона. Его первая машина. Ее покупка торжественно знаменовала начало совсем новой, другой, настоящей жизни – превращенной теперь в дымящиеся обломки на ночном шоссе.

Ободранные ладони саднило, он попытался обтереть с них грязь о кору дерева – ощущение было такое, будто кожи на руках нет вообще. Одежда, насквозь промокшая и пропитавшаяся грязью, липла к телу. Внезапно он почувствовал холод, пронизывающий холод позднего октябрьского вечера. Надо было куда-то идти. В конце концов, они вполне могли вернуться и прочесать лес у дороги – если им действительно нужна его жизнь. А он уже верил, что она им нужна.

И он побрел неизвестно куда, раздвигая колючие ветки и прикрывая лицо выставленным вперед локтем. Хуже последнего бездомного нищего. А ведь начиналось... черт возьми, все это совсем неплохо начиналось!

Он же не продавал душу дьяволу – хотя возможности то и дело подворачивались. Большинство приятелей из тренажерного зала ходили в телохранителях у шишек теневого бизнеса, неплохо зарабатывали и недолго жили, – он смотрел на таких с состраданием и наотрез отказывался играть в эти игры, когда ему предлагали. Отец не для того вложил все свои сбережения в учебу сына в престижном колледже, чтобы он продавал свои мускулы на пистолетное мясо. Правда, все попытки продать мозги неизменно оканчивались на этапе заполнения анкеты знакомыми словами: «ждите, мы вам перезвоним». Он уже был готов честно признать поражение

и вернуться на шите в родной провинциальный городок, когда представитель одной из бесчисленных обойденных им фирм действительно перезвонил.

Но ведь, боже мой, черт возьми, это была монолитно-солидная, совершенно добропорядочная, старая и надежная компания!

– Грегори? – спросила, мельком взглянув в бумаги, маленькая женщина. – Присаживайтесь.

И офис у них был обставлен просто и практично, ни намека на роскошь, ничего призванного поразить воображение. Легкая белая мебель, два компьютера на столах, жемчужно-серые обои и занавески, ворсистое ковровое покрытие на полу. Несколько графических работ на стене над низким диваном и букетик ландышей на столе у женщины рядом с компьютером. Тогда была весна...

– Меня зовут Ольга, я генеральный директор компании, – сказала ему маленькая женщина. – Мы с Полом ознакомились с вашим резюме. Кажется, вы нам подходите. Вы говорите по-французски?

Он кивнул, и она без паузы задала ему вопрос на французском языке. Он уже не помнил, что именно она спрашивала. Он вообще не помнил деталей разговора – помнил, что это было коротко, по сути, в деловом тоне и в то же время достаточно по-человечески. Пол – коммерческий директор компании, он сидел за столом напротив Ольги, – бегло обрисовал ему специфику предстоящей работы. Его брали на должность офис-менеджера – Грег предпочел бы что-нибудь более интеллектуальное, и Ольга, безошибочно отследив тень легчайшего разочарования на его лице, мимоходом сообщила о реальной возможности дальнейшей карьеры в компании.

– Но высокой зарплаты мы сразу предложить вам не можем, – сказала она. – Первое время, пока мы еще не знаем друг друга, вы будете получать...

И Грегу понадобилась вся сила воли, чтобы сдержаться, не просиять неудержимой глупой мальчишеской улыбкой. Потому что названная ею цифра в десять раз превосходила все его домашние предварительные подсчеты. В эту фантастическую цифру помещались пара новых костюмов, абонемент в лучший тренажерный зал, французские духи для матери, комната чуть ли не в центре города, а в следующем месяце, пожалуй, первый взнос за машину... Ту самую. Темно-синюю «Мазду».

Ольга протянула ему для пожатия руку – невероятно маленькую и тонкую, с миниатюрными, покрытыми бесцветным лаком ногтями и узкой полоской обручального кольца. На ощупь эта рука была железной.

А на лестнице он скакал через три ступеньки, едва удерживаясь от соблазна скатиться по перилам. И по улице – конечно же, ярко светило солнце, – бежал два квартала вприпрыжку, как школьник. Цвели какие-то деревья, и, заломив в прыжке облепленную розовыми цветочками ветку, Грег вручил ее первой встречной девушке. Потом направился в «свой» бар, и, никого там не застав, закатил одинокую оргию из шести кружек пива.

Эйфория не затянулась, ее заменила работа – поначалу тяжелая, а затем, когда он разобрался в структуре и делах компании – довольно рутинная. Впрочем, появились приятели, наметился роман с блондиночкой-компьютерщицей из соседнего отдела, и Грег начал просыпаться по утрам со спокойным и приятным сознанием того, что в его жизни присутствуют все компоненты, дающие ей право называться счастливой. И так ведь оно и было, черт возьми!

Старая солидная компания. Ему казалось, что, как офис-менеджер, он знает о ее делах практически все. И это практически все было идеально-безупречным, помещалось в рамки закона и никаким концом не уходило в тень. Он бы знал. Он бы знал, по крайней мере, что есть аспекты, с которыми ему лучше не соприкасаться. Но ведь ничего подобного!

Случайность была неприлично мелкой, нелепой, досадной. Он подготовил для Ольги список заказчиков на предстоящие поставки и отнес его в директорский кабинет. Ни Ольги, ни

Пола не было, и Грег положил бумаги на стол рядом с букетом полупрозрачных сухих цветов в маленькой фарфоровой вазе. Ольга любила цветы...

Канцелярская скрепка. Ничемная, никому не нужная скрепка – он задел ее листом бумаги и смахнул в полуоткрытый ящик стола. И ничего, черт, ведь абсолютно ничего бы не случилось – если бы он не захотел достать эту скрепку и не выдвинул ящик...

Скрепка упала между пачкой длинных дамских сигарет и фотографией красивого молоденького мальчика – наверное, сына Ольги, – в рамке под стеклом. А еще там лежали какие-то бумаги в прозрачном файле – но он же не видел, не смотрел, даже краем глаза не прочитал ни единого слова!..

– Грегори, что вы здесь делаете?

Голос у Пола был сухой и не слишком окрашенный эмоциями – Грег поначалу понял его вопрос в прямом смысле и показал список заказчиков. Пол больше ничего не сказал. Под его пристальным взглядом Грег медленно задвинул слишком громко скрипнувший ящик стола...

Его вызвали в директорский кабинет через два часа. Грег пытался оправдаться, чувствуя неубедительность своей истории и как бы со стороны наблюдая собственную нелепую фигуру с воображаемой скрепкой между большим и указательным пальцами. С равнодушно-скучающим лицом Пол выслушал его до конца – и выложил на стол конверт с деньгами.

– Вы больше у нас не работаете, Грегори, – сказал он. – Жаль. Вы были неплохим работником.

А все время молча сидевшая за столом Ольга вдруг подняла глаза и добавила:

– И парнем вы были неплохим.

...Он не заметил залитую осенними дождями балку и выше колен провалился в ледяную черную воду. Вцепившись в ствол дерева, подтянулся и, распластавшись животом по жирной грязи, вылез с другой стороны. Может, в этом месте они сойдутся со следа. Может быть, еще удастся уйти.

Увольнение было катастрофой. Он несколько часов медленно кружил по улицам города, подавляя банальное желание вдрызг напиться. Стемнело, пошел дождь. Грег вдруг решил поехать к Элси, компьютерщице, она жила в предместье, на другом конце города. Уже тогда он заметил черный «Ягуар», навязчиво маячивший в зеркале – и не придавал этому значения, он вообще был не в состоянии придавать значение чему-либо. А Элси не было дома, был только холодный октябрьский вечер, темная пустота между подъездом и его машиной – и сухой, нелепый звук автоматной очереди, прошивший воздух там, где мгновение назад была его голова.

А дальше – классическая голливудская погоня, его тело работало на неизвестно когда и как сформированных рефlekсах, а сознание тщетно пыталось постичь смысл этой дикой ситуации. «И парнем вы были хорошим...» Документы в ящике стола, которых он не видел – но ведь мог и увидеть, и начальство решило не рисковать. Он пытался найти другое объяснение, это было слишком простым и унижительным – но все же, судя по всему, единственно правильным. Ольга, женщина с маленькими железными руками... ей и в самом деле жаль, он был хорошим парнем...

Кустарник снова встал сплошной стеной, Грег пошел напролом, оставляя клочья одежды на упругих прутьях – и вдруг лес кончился. Впереди тускло поблескивал мокрый асфальт, одинокий автомобиль промчался по шоссе, осветив на мгновение невысокий навес автобусной остановки на той стороне.

Грег остановился. Он совершенно потерял ориентировку – та ли это дорога, на которой сгорела его машина? – или нет, не мог же он сделать полный круг по лесу, а какие тут есть еще дороги? – он не помнил даже приблизительно и понятия не имел, что за автобусный маршрут мог иметь здесь остановку. Совершенно автоматически, еле поднимая ноги с налипшими килограммами грязи и листьев, он побрел к ней наискось через шоссе.

Они появились на дороге одновременно: мирный, медленный, ярко освещенный автобус – и черный «Ягуар» с темными стеклами и прожекторами фар, направленными прямо на него, в лицо, в глаза...

Он побежал, прихрамывая, спотыкаясь – но отчаянно, как никогда в жизни. Они могли не заметить его... они должны были его не заметить!.. Автобус подходил к остановке – а вдруг он проедет мимо, вдруг никому не нужно выходить здесь?!

...Он тяжело привалился к захлопнувшейся створке – изнутри, боже мой, изнутри! Преследователи остались снаружи, хоть бы они не успели его увидеть, иначе они будут преследовать автобус, дождутся, когда он выйдет... Но все равно – он выиграл передышку, время прийти в себя и что-нибудь придумать. Стараясь держаться подальше от заднего окна, Грег поднялся в салон и уже хотел рухнуть на ближайшее сиденье...

Оно было такое светлое, чистое, обитое палевой кожей. Только тут Грег почувствовал взгляды пассажиров – они разом обрушились на него, удивленные, недоуменные, брезгливые. Эти люди видели невозможно грязного, ободранного, окровавленного бродягу, а скорее всего – преступника. Грузная женщина, занимавшая место рядом с тем, где он хотел сесть, покосилась на Грега и привстала, собираясь подвинуться ближе к окну. И в этот момент автобус тряхнуло на повороте, Грег взмахнул руками, теряя равновесие, облепленные грязью ботинки заскользили по полу, пальцы сомкнулись в сантиметре от поручня, и он затормозил падение, только упершись черной исцарапанной ладонью в обширное плечо пассажирки.

Несколько секунд она ошеломленно хлопала накладными ресницами, – Грег успел выпрямиться и пробормотать извинения, – и тут она зажмурилась и завизжала противным душераздирающим голосом. По головам пассажиров прокатился ропот, перерастая в неуправляемую волну агрессии. Кто-то крикнул, чтобы остановили автобус. Несколько мужчин повставали с мест. Грег затравленно огляделся по сторонам, бросил взгляд в темноту за окном, пронизанную слепящими фарами легковых машин – среди них могла быть и та, черная...

Он вцепился в поручень обеими руками, на которых грязь, смешиваясь с кровью, подсыхала бурой коркой, – вцепился мертвой, отчаянной хваткой.

И тут я положила сверху свою руку в светлой перчатке и, обернувшись к пассажирам, раздельно сказала:

– Извините нас, пожалуйста.

Глава II

Оказывается, я уснула и проспала почти двадцать минут, прислоняясь через неестественно изогнутое запястье ко вздрагивающему оконному стеклу. Автобус покачивало, темнота мирно светилась сквозь оплывшие буквы слова «ненавижу», написанного мной на запотевшем окне. А может, и не мной – во всяком случае, указательный палец моей перчатки уже высох, и вообще, все это было слишком давно.

Я размашисто протерла окно тыльной стороной ладони, сняв перчатку, и снова натянула ее на влажную руку. В конце концов, просто не надо было к нему переезжать. Если бы мы встречались, как раньше, по субботам, это могло бы продолжаться неопределенно долго. Другой вопрос, зачем – но могло бы. И не пришлось бы сейчас ехать неизвестно куда на ночь глядя... только и всего. Больше ничего бы не изменилось.

Надо же, я уже сейчас плохо помнила его лицо – только перебитый нос и детские пухлые губы. Вообще-то он был хороший, такой наивный и неловкий, похожий на медвежонка. Все тело – тело я помнила гораздо лучше – в дремучих черных волосах, большое, тяжелое, сильное. Он любил носить меня на руках. Правда, последнее время все чаще не туда, куда я хотела, – я пожалала плечами и тихонько рассмеялась. Последняя фраза, которую он мне сказал: «Спорим, я не дам тебе выйти отсюда?... Спорим, ты вернешься?!»

За темным окном угадывалась зубчатая стена леса, накладываясь на четкое отражение моего лица. Вглядываясь в темноту, я принялась сочинять адаптированный вариант этой истории для Марты. С Мартой мы не виделись года два, да и раньше не настолько дружили, чтобы вот так вламываться к ней среди ночи с намерением поселиться как минимум на пару дней. Но у Марты всегда, сколько я ее помню, лежали в сумочке дамские романы в бумажных обложках. И она плакала над ними совершенно искренне, не жалея туши на ресницах.

Начать надо с фонтанчика.

...Тонкая струйка фонтанчика для питья, падая на мраморный ободок, разбивалась пылью брызг, на которых дрожала маленькая радуга. Молодой спортсмен пил долго и жадно, его широкие плечи, усеянные бусинками пота меж черной курчавой порослью, тяжело вздымались. Отпив последний большой глоток, он выпрямился и посмотрел на меня, детским движением большой руки вытирая пухлые губы.

Была весна, ярко светило солнце, я – уже не помню, почему, – чувствовала себя счастливой... Я ему улыбнулась.

– Хотите пить?

Его голос еще чуть прерывался неровным дыханием. И я снова улыбнулась наивности этого вопроса, и наклонилась над фонтанчиком, и почувствовала на языке вкус ледяной воды, а на талии – прикосновение горячих рук...

Не совсем на талии, чуть ниже, – но уточнять, пожалуй, не стоило. Как и воспроизводить наш дальнейший диалог – который я к тому же помнила более чем смутно. Кажется, он пришел тогда к финишу то ли предпоследним, то ли еще хуже, и неудовлетворенные амбиции устремились в другое русло. Классической первой встречной оказалась я. И я это прекрасно видела, я с первого же взгляда видела его насквозь, простого, как дважды два четыре, – но он был мужчина, и он был непохож... Когда рядом оказывается мужчина, я ведь всегда вспоминаю... а он был непохож, совсем непохож... Но уж об этом точно не надо.

Поехали дальше. Наши тела непроизвольно потянулись друг к другу... нет, так сразу – Марта этого не поймет. Хорошо, наши тела непроизвольно потянутся друг к другу попозже, во время прогулки в лес. Тем более, что мы действительно когда-то там гуляли, это было еще до того, как он выиграл профессиональный забег и снял эту самую отдельную квартиру – какой

же идиоткой я была, когда согласилась туда переехать! Об этом тоже придется сказать, только перейти надо будет плавно, красиво.

Лес. В дремучей траве стрекотали кузнечики, а небо просвечивало сквозь темно-зеленые кроны...

– А-а-а-и-и-и-а-а-а!!!

Я дернулась всем телом, едва не вскрикнув сама, – нервы ни к черту! – и, привстав, обернулась. Толстуха, сидевшая за мной, вопила так, словно ее только что пытались изнасиловать или по крайней мере показали крысу. Светло-сиреневое пальто этой дамы украшал черный отпечаток растопыренной пятерни, расположенный как раз посередине левого плеча и до того четкий, что вполне мог бы сойти за какую-нибудь эмблему. Тем не менее, толстуха не переставала вопить – прямо над моей головой, в какой-то момент даже уши заложило. На этот крик, постепенно нарастая, наложился голоса других пассажиров, гневные и возмущенные. В автобусе развивалась склока, к которой я не собиралась иметь отношения. Я снова села и устремила взгляд в окно, где в темно-синей мгле покачивалась неровная стена леса. Значит, лес, кузнечики, небо...

Картинка за окном дернулась и замерла. Мы почему-то остановились, причем в совершенно пустынном, явно произвольном месте на шоссе. Похоже, все-таки случилось что-то серьезное.

– Выбросить его, как собаку! – рявкнул, поднимаясь, мужчина, сидевший рядом со мной. Его голос органично влился в злобную агрессивную разноголосицу, из которой слух выхватывал отдельные реплики подобного же содержания. Я тоже встала – и только тут увидела его.

В эпицентре конфликта, прямо напротив меня стоял, вцепившись обеими руками в поручень, окровавленный, оборванный, облепленный грязью человек. Немыслимо грязный – это и удерживало пока от рукоприкладства разгневанных пассажиров, образуя вокруг бродяги немного пустого пространства, вроде заколдованного круга. На этом человеке буквально не было живого места, с которого не отваливалась бы жирная глина вперемешку с бурыми листьями. Вся его одежда пропиталась черным и липким – хотя изначально это была вполне приличная одежда, даже бывший галстук выбивался из-под разорванного плаща. Я всегда гордилась своей наблюдательностью. Я отметила, что ногти на его руках, покрытых черной корой, были коротко острижены, а исцарапанный в кровь подбородок – чисто выбрит.

А потом я увидела его глаза.

Он отчаянно озирался по сторонам в затравленной безнадежности, серые, подернутые багровой сеточкой глаза со слипшимися ресницами блуждали по кругу, не находя нигде ни искры поддержки и наполняясь со дна обреченной решимостью сопротивляться до последнего... Он был совсем молод.

И вот тут я сделала шаг вперед, положила на черные содранные костяшки его пальцев свою руку в светлой перчатке и, обернувшись к пассажирам, раздельно сказала:

– Извините нас, пожалуйста.

В конце концов, почему это не мое дело? Парень явно не был ни бродягой, ни бандитом, с ним просто что-то случилось, а теперь вот он снова так нелепо, по-глупому попал в переделку. Почему бы и нет, в конце концов?

– Простите, Джим ведь не нарочно, – теперь я уже обращалась конкретно к толстухе в сиреновом, окрашивая голос мягкими, чуть ли не материнскими интонациями. – Знаете, мы гуляли в лесу, а там такие овраги, и, представляете, их же совершенно не видно, доверху залиты водой и листья сверху плавают. Когда Джим провалился, я даже ахнуть не успела. По шею провалился, представляете? Я так боюсь, как бы он не схватил воспаления легких, ведь по самую шею, и ледяная вода...

Стоило только начать нести откровенную чушь – дальше она несла себя сама, а я с брезгливым презрением наблюдала, как злоба и агрессия на тупых физиономиях трансформирова-

лись в неприкрытый интерес зевак к захватывающему зрелищу. Надо же, этот грязный бродяга и эта красивая аккуратная девушка едут вместе, да он и не бродяга вовсе, ах, какое недоразумение, а мы чуть было... И хоть бы один идиот вспомнил, что я уже с полчаса дремала тут у окна!

– Непременно заварите чаю с липой, – с выражением крайней заботы на толстом лице произнесла жертва. – И разотрите молодого человека спиртом, вы слышали, юноша, пусть вас разотрут спиртом...

– А вы подождите, пока пятно высохнет, соскоблите его аккуратно ножиком, а потом почистите щеткой, – серьезно посоветовала я. – И следа не останется, обещаю вам!

Автобус тронулся, и пассажиры начали растекаться по местам. Я села к окну и в продолжение спектакля дернула за руку своего Джима, увлекая его на сиденье рядом. На этом должно было кончиться.

Я попыталась вернуться к своей романтической истории. Что у нас еще было красивого? Трудно сказать. За все время он не подарил мне ни единого цветка, даже на день рождения, не говоря уже о подарках. Ага, он носил меня на руках.

Итак, каждую субботу, ровно в три часа, я останавливалась перед обитой кожей дверью со знакомым чеканным номером и нажимала на кнопку электрического звонка. Его трель была похожа на пение птицы, я пыталась уловить в ее переливах звук тяжелых шагов. Дверь распахивалась, и прямо с порога он подхватывал меня на руки, и я, закрыв глаза, отдавалась на волю его могучих рук...

Между прочим, так оно и было. Даже ничего не нужно сочинять – просто ненавязчиво забыть о некоторых вещах. Например, как, захотев поесть, он хватал меня одной рукой и нес на кухню – на самом интересном месте детективного фильма. Или бесцеремонно выносил за порог комнаты, если собирался в одиночестве насладиться соревнованиями по регби. Естественно, я относилась к этому с юмором и даже пыталась сопротивляться – а потом подсчитывала круглые синяки на запястьях. К тому же он не допускал мысли, что не я должна стирать его вечно разбросанные по комнате носки, чистить кроссовки, даже мыть бритвенный станок... все это, конечно, уже после того, как я к нему переселилась. Дура. И еще эти вечера, длинные осенние вечера в обществе человека, имеющего в лексиконе не больше пятидесяти слов. Вот, об этом я и скажу Марте. Мы оказались слишком разными людьми, которых связывало только телесное влечение... Черт, надоело, противно. Если что, буду импровизировать.

За темным окном уже вовсю мелькали разноцветные огни городских фонарей и витрин. Я прикинула к стеклу, пытаясь узреть хоть какой-то ориентир – в гостях у Марты я была один раз, черт знает когда и к тому же в компании, что обычно дает полное право не запоминать дорогу. Единственное, что я помнила – это была конечная остановка. Угловой дом, третий этаж. Я взглянула на часы: одиннадцать тридцать пять. Самое время для непринужденного дружеского визита.

Автобус развернулся на асфальтовом пяточке и остановился. Раздвинулись двери, люди косяком потянулись к выходу, я встала – и напоролась взглядом на этого самого парня, на «Джима».

Он не поднимался с места и, до предела повернув голову, напряженно вглядывался в темное заднее стекло, за которым было совершенно невозможно различить что-нибудь кроме мельтешения витрин и автомобильных фар. Грязь, пропитавшая его одежду, слегка подсохла, но все равно прикасаться к нему как-то не хотелось. Но он не вставал, а из автобуса уже вышла, посапывая, толстуха в светло-сиреновом, и мы были последними людьми, оставшимися в салоне.

– Простите, мистер, – начала я, и он вдруг лихорадочным порывом обернулся ко мне, словно услышал над ухом выстрел. Глаза у него были такие же затравленно-отчаянные, как и в тот момент, когда его хотели выбросить из автобуса. Я почему-то почувствовала себя виновата.

той, рассердилась на себя, на него, на поздний вечер и абсолютную нелепость ситуации, на того, кто был в этом виноват и опять же на себя... Снова захотелось написать на окне «ненавижу».

Я вежливо сказала:

– Дайте пройти.

Он молча смотрел на меня в упор несколько секунд – а потом выговорил глухим еле слышным голосом:

– Если я сейчас выйду на улицу... один... Меня убьют.

Честное слово, я бы сама кого-нибудь убила. Я могу, я же сумасшедшая. Я протянула ему руку и сказала очень по-деловому:

– Хорошо, выходим вместе.

Мы в ответе за тех, кого приручили. Сент-Экзюпери.

А доброе дело никогда не остается безнаказанным. Не помню, кто.

При выходе он подал мне руку – потрясающее, наверное, зрелище со стороны. Пассажиры автобуса уже успели разойтись, и мы очутились на абсолютно пустынной улице, – тем не менее, ничего похожего на выстрелы из-за угла, естественно, не наблюдалось. Мимо проносились автомобили, отражаясь в длинной зеркальной витрине, и парень всякий раз резко поворачивал голову, глядя то на дорогу, то на ее отражение. Может, он был и не в себе. Может, это было опасно – вот так гулять с ним по ночной улице. Сейчас меня больше интересовало, в каком из совершенно одинаковых высотных домов по обе стороны улицы живет Марта. Кажется, номер был нечетный. Хотя черт его знает. Надо будет посмотреть в обоих – этаж и квартиру я помнила точно. И все-таки избавиться от моего экзотического спутника – уж его появления в своей квартире среди ночи Марта точно не поймет.

Мы вошли в подъезд, шаги стали гулкими. Я остановилась и повернулась к парню.

Он заговорил первым.

– Я даже не знаю, как... я подвергал вашу жизнь опасности, как последний... Я, наверное, должен все объяснить. Меня зовут Грегори, Грег...

Что-что, а знакомиться с ним я не собиралась.

– Не стоит, – оборвала я его довольно резко. – Надеюсь, у вас все будет нормально. Просто я сейчас иду не домой, и...

К счастью, он понял. Кивнув, пробормотал что-то неразборчивое и отступил к дверям подъезда, но не вышел, а, остановившись, пытался разглядеть что-то в щель между дверными створками. Меня он больше не интересовал.

Я поднялась на третий этаж. Лестничная площадка в этом доме была необычной планировки – полукруглая, как солнышко на детских рисунках, двери расходились от нее широкими лучами, не то пять, не то шесть, – почему-то было трудно определить их количество на глаз, не пересчитывая. Я подошла ко второй слева двери – вторая слева, без вариантов, – и несколько раз нажала на кнопку звонка. Никто не отвечал, и после паузы я позвонила еще – безрезультатно. Марты не было дома или же я ошиблась зданием... нет, Марты не было дома. Эта рубиновая пуговка звонка, я ее хорошо помнила, потому что...

И стало больно, страшно больно, ведь и у него тоже была такая пуговка на двери, и я вспомнила – а по жесточайшему договору с собой я не имела права вспоминать... Взять себя в руки, думать о чем-то другом, о ком-то другом, о том же спортсмене с черноволосыми руками... это хотя бы романтично... это хотя бы глупо...

Оказывается, открылась первая справа дверь, – а я и не заметила, и пожилого человека, который вышел на площадку, я в упор не узнавала – даже, когда он поздоровался со мной как со знакомой, даже, когда пригласил войти, даже, когда я согласилась...

Глава III

Ночная лампа светилась мягким тусклым бледно-желтым светом – но он все равно набросил сверху клетчатое покрывало. Слишком устали глаза. И вообще, он слишком устал от света.

Зрение уже не корректировалось ни толстыми очками, ни новыми немецкими линзами, – и припаять микроконтакты он поручил студенту-радейщику с четвертого этажа. Может быть, поэтому не получилось. Хотя что там, он точно знал, что не поэтому.

Он уже лет десять как привык думать о себе в прошедшем времени. Я жил в предместье, я был женат, я работал в Сент-Клэрском университете, имел докторскую степень... Я любил, я предпочитал, я терпеть не мог... Все его желания безнадежно гнездились в прошлом. Вот почему.

Придется испытать на ком-нибудь другом. Достойное занятие старого ученого-маньяка: эксперименты на живых людях. Ни с кем не согласованные, абсолютно противозаконные. Да и над кем? Круг его общения давно укладывался в число пальцев одной руки. Разве что этот студент с четвертого этажа, худенький мальчик в очках и с неизменно никаким выражением лица – бывают ли у него сильные желания?

Лиловые старческие пальцы осторожно пощупали отведенный до предела рубильник под полукруглой шкалой с мертвой стрелкой на нуле. Может, все-таки студент неправильно припаял контакты. Или он сам допустил какую-нибудь чисто техническую ошибку... вряд ли. С тридцати лет он представлял себе устройство машины настолько точно, что мог воспроизвести его чертеж прутиком на песке с завязанными глазами. Тридцать лет... Тогда было достаточно и желаний, и песка, и прутьев. Но не было четырех стокартовых бриллиантов, километров золотой проволоки, немецкой оптики и швейцарских микродеталей, изолированного помещения, ориентированного на магнитный полюс, не было ни денег, ни разрешения университета на эксперименты. Попросту не было времени. Время расходилось тогда по секундам: он читал лекции на шести потоках, писал статьи, вел тему на кафедре, которой позже стал заведовать, подрабатывал репетиторством... И была Розалия, которая не мыслила воскресенья без оперы и лета без морского побережья, и еще мог бы быть сын... Черт, опять это прошедшее время, нереализованное и невозвратимое... Если бы он создал тогда эту машину, она тоже принадлежала бы теперь прошлому. Открыл, изобрел, прославился... а стрелка осталась бы неподвижной. И это все.

Крах, полный крах. Если он ошибся в расчетах, если идея была изначально ложной – бескрылая химера, питавшаяся его кровью все эти годы. И крах – если он оказался прав, прав во всем. Тогда – еще страшнее, еще мучительнее. Потому что – к черту самоаналитические обманы, меняющие местами причину и следствие, – есть то, что сейчас гораздо важнее итога всей его научной жизни, ведь оно единственное придало смысл жизни человеческой. И если даже это неспособно шевельнуть стрелку на шкале...

Крах, совершенный, последний крах.

Сентябрь, год назад. Университету исполнялось сто лет, и на грандиозные празднества пригласили всех, кто когда-либо там работал, – а он ушел на покой каких-то шесть лет назад, его еще хорошо помнили. На кафедре два молоденьких лаборанта сыграли на геликоне и тарелках туш, а его преемница на руководящем посту произнесла прочувствованную речь, увенчанную вручением огромного букета цветов и маленькой статуэтки Майкла Фарадея. Потом был фуршет, миниатюрные бутерброды с красной и черной икрой лежали в шахматном порядке, из каждого торчал флажок с университетской эмблемой. Черт, самые ничтожные, никчемные подробности отпечатались в памяти так же неизгладимо, как и то, что действительно ни за что нельзя было забыть...

Он держал в левой руке бокал с белым вином и провозглашал тост за любовь, за науку, за любовь к науке и науку любви... как это было пошло, как нелепо. Он стоял спиной к дверям, он не сразу обернулся, когда она вошла. А она заглянула лишь на минутку, она искала какого-то преподавателя с кафедры. Увидев накрытый стол, извинилась и тут же ушла, он даже не успел пригласить ее войти. Но он успел увидеть ее.

С Розалией, его покойной женой, они когда-то учились в одной академгруппе. Он знал ее почти три года, прежде чем на одной из загородных студенческих вечеринок их отношения неожиданно выпрыгнули за рамки дружеских. Через четыре месяца они – оба неверующие – венчались в псевдогоготическом соборе с фресками и органом. Розалия всегда была капризным существом, с этим он смирился априори. Университет она бросила сразу же после свадьбы, посвятив себя карьере мужа, а его – исполнению своих желаний. Розалия была красива, потом стильна, потом элегантна. За всю жизнь он изменил ей один раз, на выездной конференции, со случайной женщиной, которую после больше не видел. Розалия никогда об этом не узнала. Она умерла в пятьдесят три года от воспаления легких, и мир не перевернулся. Он перевернулся сейчас.

Его коллеги, университетские профессора, с легкостью крутили романы со студентками – для него же это всегда было дикостью, недостойной даже презрения, оставаясь таковой и после смерти Розалии. И его передергивало при мысли, что именно такой пошлой, низменной интрижкой могла бы выглядеть со стороны его великая любовь.

...Она даже не переступила порога, даже не открыла полностью дверь – из приотворенного проема брызнул свет, и это была она, яркая, сияющая. Тонкая, как сфокусированный линзой луч, светлая, чистая. Великолепные, нечеловеческие глаза, а волосы она тогда гладко зачесала, и лишь потом он узнал, какие у нее роскошные волосы... Потом он узнал о ней все, что сумел. Потом началось, как только она закрыла дверь, уничтожила ослепительный узкий просвет, растворилась, исчезла. Все почему-то звонко застучали бокалами с одобрительными возгласами, предназначенными, как ни странно, его тосту... тому нелепому тосту, произнесенному вечность назад. И пришлось выпить с ними, вино обожгло стиснутое горло, но зато после этого он смог говорить и спросил у молодого веснушчатого ассистента:

– Кто это?

– Да? – тот, пережевывая икру, с недоумением повернулся к нему. Между произнесением старым профессором тоста и звоном бокалов ничего не произошло, между этими двумя действиями никогда ничего не происходит. А впрочем, профессор мог заинтересоваться кем угодно, но откуда ж ему, ассистенту, знать, кем именно?

Парень улыбнулся и вежливо спросил несусветную глупость:

– Кого вы имеете в виду?

Захотелось его ударить. Или, резко рванув скатерть, смести все со стола, или раздавить стеклянный бокал в руке... Он объяснил медленно и подробно, словно диктовал завещание:

– Я спросил, не знаете ли вы, кто та девушка, которая только что сюда заглядывала?

Ассистент пожал плечами.

– Студентка. То ли третий курс, то ли четвертый...

В воздухе пахло духами. Не ее.

Он начал появляться в университете каждый день. Он смотрел, как она входит в широкие стеклянные двери, как взбегает по лестнице, как бросает взгляд на большие стенные часы, опаздывая на лекцию. Как болтает с подружками, как смеется, как расчесывает длинные волосы, как закрывает глаза, подставляя лицо солнцу на скамейке перед университетом.

Ее звали Инга – имя для рослой блондинки, а она была хрупкая, темноволосая, смуглая – и все равно очень светлая, сияющая. Она носила белое и кремовое, и глаза у нее были светлые и яркие, сверкающие изнутри золотыми искрами. Она приехала из далекой провинции, с юга,

снимала квартиру на троих с подружками, весело покоряла столицу и, конечно же, она была влюблена.

Его профессор видел один раз – высокого, красивого, видного, но темного и тусклого рядом с ней. Недостойного. А впрочем, никто не был бы достоин ее, в том числе он сам, более других он сам, и он это прекрасно понимал.

Он несколько раз здоровался с ней, встречаясь в вестибюле, и она отвечала не глядя, скороговоркой – дежурное приветствие незнакомому преподавателю. А он с изумлением обнаруживал, что даже этого ему вполне достаточно, чтобы несколько ближайших дней быть абсолютно счастливым.

Один раз он заплатил за нее в университетском буфете.

У стойки образовалась небольшая очередь, и позади стояла Инга в светло-бежевом костюме, с высокой прической, строгая и сосредоточенная. Он подошел неслышно и тихо встал за ней, почему-то не решаясь поздороваться. Инга стояла вполоборота, чуть сощурившись, она рассматривала прейскурант, а сзади на шее у нее вились маленькие волоски, не поместившиеся в прическу, совсем светлые, золотистые.

Она заказала апельсиновый сок и два коржика. Она раскрыла сумочку, узкая рука нырнула внутрь и задержалась там чуть дольше, чем нужно, а затем выложила прямо на стойку расческу, калькулятор, зеркальце...

– Черт возьми!

Отдать все, что угодно, – за то, чтобы она никогда не говорила «черт возьми», никогда не сводила на переносице брови, ища деньги в маленькой сумочке, никогда, никогда...

Он бросил на стойку крупную купюру, пробормотав что-то нечленораздельное, и стремительно зашагал прочь – бегство, и никак иначе. Он слышал за спиной голоса – продавщицы: «за вас заплатили, возьмите же сдачу» – и Инги: «нет, подождите, я сейчас найду!»

Она догнала его в дверях буфета, ее сумочка была раскрыта, и он точно знал, что на стойке остался не только сок с коржиками, но и расческа, и зеркальце, и калькулятор...

– Зачем вы это сделали?

Потому что я люблю вас.

Потому что я сумасшедший старик.

Потому что ни на что большее меня не хватило.

Он усмехнулся порочной улыбкой никчемного развратника и отвратительно-приторным голосом промямлил:

– У меня есть вредная привычка время от времени платить за хорошеньких девушек.

Несколько секунд она смотрела на него в упор, а потом вдруг просто сказала:

– Спасибо, – и пошла в буфет есть свои коржики и думать о чем угодно, но не о нем, ни секунды о нем.

Год назад. Да он и не мечтал тогда, что она будет думать, знать, помнить о его существовании. Он даже не пытался больше с ней заговорить. Только смотрел. Был счастлив, когда видел ее каждый день, мучительно переживал, когда она пропускала занятия... а она пропускала их все чаще, и наступила зима, и однажды, стоя в морозную слякоть на ступеньках университета, он вдруг совершенно точно осознал, что она сюда больше не придет. Никогда.

Он разыскивал ее отчаянно, ввергнув в недоумение и своих бывших коллег, и бывших однокурсников Инги. Инги, которая вдруг исчезла, исчезла совсем. Он узнал, что она жива, – и только. Ни одного настоящего адреса, ни одной старой подруги, ни даже этого тусклого красивого парня... Ничего. Может быть, она даже поменяла имя.

Он попытался жить без нее. Жить дальше. Убедить себя, что это далеко не худший, а может, и самый достойный финал его странной истории. В конце концов, у нее в принципе не было будущего. Она могла выродиться либо в пошлую интрижку, либо в нелепую манию, и в обоих случаях он стал бы старым посмешищем, а Инга... Хорошо, что она так ничего и не

узнала, что успела исчезнуть, раствориться в другой жизни, прежде чем он сознательно или невольно взвалил на нее этот груз. Хотя, может, для нее это и не было бы тяжестью – слишком незначительно, достаточно легковесно. Что он, собственно, знал о ней, о ее представлениях о жизни, о самой ее жизни – случилось же что-то, заставившее юную девушку все изменить, от всего отказаться. Может, она была по-настоящему несчастна... А он просто никчемный, самозацикленный эгоист.

Была зима, влажная промозглая зима, и он заболел. Воспаление легких, как тогда у Розалии. Как это было бы логично, как естественно. Закончилась длинная, не такая уж плохая жизнь, в которой, в сущности, все было. Прошедшее время. Если раньше он употреблял его с долей театральности, теперь оно совершенно нормально легло на сознание, расставив события и вещи по местам. Все у него было. И даже любовь.

Восторженный отчет докторов о неизмеримых возможностях своего могучего организма он воспринял как шутку дурного тона. Этой жизни, черт возьми, просто некуда было продолжаться. Что ж, он попытался подойти к этому как к ребусу – целыми днями, глядя в потолок, выискивал в пустом лабиринте ниточку, за которую можно было бы ухватиться.

И нашел.

Машина.

Хотя сама по себе машина тоже ничего не значила.

...Он резко шелкнул рубильником – туда-сюда, – так женщины пытаются вернуть к жизни сломавшийся телевизор. Естественно, не произошло абсолютно ничего.

Поздняя ночь. Надо ложиться спать, а утром как-нибудь постараться не проснуться. Только ведь не выйдет, и первой утренней мыслью будет: крах, полный крах... А впрочем, можно с утра перепаять контакты – тоже отсрочка, заведомо искусственная, но отдаляющая конец...

Она, наверное, еще не легла. Молодые поздно ложатся. Может быть, она сейчас принимает ванну – пенится шампунь, с шумом стекают струи, и она негромко напевает... а из спальни доносится чуть раздраженный голос тусклого красавца: «Инга, ты скоро?»

И вдруг мертвая стрелка резко рванулась вверх, прыгнула на середину шкалы и заплясала там в неимоверно-быстром ритме, колеблясь между соседними делениями.

Он дернулся, как в электрошоке, но почему-то сразу не встал, он смотрел на дрожащую стрелку – не упустить момент, дожидаться, пока она остановится! – но это же совсем не имеет значения, боже мой, совсем не имеет... кошмар, наваждение... Словно избавляясь от гипноза, он медленно отвел глаза в сторону – и, вскочив, ринулся туда, где...

На лестничную площадку.

И сначала он увидел – четко, будто вернулась острота зрения, – руку, одну только руку в светлой облегающей перчатке, поверх которой на среднем пальце серебрилось тоненькое колечко. А указательным она нажимала на кнопку звонка, круглую рубиновую пуговку, которая находилась, может быть, в сотнях километров отсюда, – и которая была здесь, в десяти шагах...

Она ритмично нажимала на кнопку, не получала ответа – и хмурилась, сводя брови на переносице точно так же, как тогда в буфете... Где бы это ни происходило, – она была одна, совсем одна, поздней ночью на лестничной площадке.

Он сделал несколько шагов вперед.

– Простите, мисс... Инга? Добрый вечер. Я вижу, что вы... я хотел бы, если вы, конечно, не против, пригласить вас войти...

Я не узнавала его, в упор не узнавала и не помнила, – но Марты уже точно не было дома, идти мне было абсолютно некуда, а этот сосед даже знал мое имя... Я более или менее ослепительно улыбнулась, кивнула и ответила:

– Спасибо.

Глава IV

В его квартире было гораздо темнее, чем на лестничной площадке. Я споткнулась на пороге – на правую, к несчастью, – и задела головой китайский колокольчик. Раздался тоненький печальный звон, и в тот же момент сосед Марты щелкнул выключателем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.